

ДИСПРОПОРЦИИ В РАЗВИТИИ РАЗНОУРОВНЕВЫХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СИСТЕМ КАК ФАКТОР ДЕФОРМАЦИИ СОЦИО-ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА¹

Р. Ф. Гатауллин, Э. Р. Чувашаева

Институт социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Уфа, Россия)

В данной статье рассматривается соотношение таких категорий, как диспропорции в территориальном развитии и пространственные деформации. В экономической науке под диспропорциями понимается нарушение согласованности экономических процессов, показателей и функций, определяющих сбалансированное развитие различных ее секторов. В этом исследовании деформации рассматриваются относительно изменений качества разноуровневых территориальных систем как общественных благ особого рода, которые привязаны к определенной территории.

Показаны причины возникновения деформаций. Существующие деформации в процессе их углубления могут привести к изменению сущности пространственных систем или влиять на отдельные его свойства, как общественных благ. В последнем случае речь идет о деформации пространства на его социо-эколого-экономической плоскости.

Существующие диспропорции в социо-эколого-экономическом развитии при определенных условиях могут быть допустимыми, когда они не изменяют суть разноуровневых территориальных систем как носителей общественной полезности. Выход за пороговое значение показателей диспропорций отражает изменения в сущности соответствующих общественных благ.

Ключевые слова: социо-эколого-экономическое пространство, территориальные системы, общественные блага, диспропорции, деформация.

IMBALANCES IN THE DEVELOPMENT OF MULTI-LEVEL TERRITORIAL SYSTEMS AS A FACTOR IN THE DEFORMATION OF SOCIO-ECOLOGICAL AND ECONOMIC SPACE

R. F. Gataullin, E. R. Chuvashaeva

Institute for Social and Economic Research of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russia)

This article examines the relationship between categories such as imbalances in territorial development and spatial deformations. In economics, imbalances are understood as a violation of the coherence of economic processes, indicators and functions that determine the balanced development of its various sectors. In this study, deformations are considered in relation to changes in the quality of multi-level territorial systems as public goods of a special kind, that are tied to certain territories.

The causes of deformations are shown. Existing deformations in the process of their deepening can lead to a change in the essence of spatial systems or affect its individual properties as public goods. In the latter case, we are talking about the deformation of space on its socio-ecological and economic plane.

Existing imbalances in socio-ecological and economic development may be acceptable under certain conditions when they do not change the essence of multi-level territorial systems as carriers of public utility. In our

¹ Исследование выполнено в рамках Госзадания УФИЦ РАН №075–00576–26–00 на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов.

opinion, the main imbalances in the socio-ecological and economic development of territories are the imbalances within this system. Going beyond the threshold of the indicators of imbalances reflects changes in the nature of the corresponding public goods.

Keywords: socio-ecological and economic space, territorial systems, public goods, imbalances, deformation.

Введение. Рост мобильности населения и его отток за пределы страны, особенно образованной его части, требуют активизации исследований качества территориальных систем. В условиях, когда территория нашего региона не может составить конкуренцию в качестве места проживания населения или места размещения производства и когда именно последние образуют ее полезность, разработка мер по формированию нового качества пространства имеет особую актуальность.

Следует признать, что в существующих исследованиях И. М. Анимиды [1], Е. И. Бухвальда [2], А. Г. Гранберга [3], П. А. Минакира [4], Е. И. Татаркина [5], Б. С. Хорева [6] и других ученых-экономистов страны системно рассматриваются проблемы территориального развития. Но диспропорции в развитии разноуровневых территориальных систем как фактор деформации социо-эколого-экономического пространства до сих пор остается как бы в тени.

Цель нашего исследования — определить значение диспропорций в развитии разноуровневых территориальных систем как фактора деформации социо-эколого-экономического пространства. В соответствии с целью были поставлены следующие задачи:

- 1) определение основных диспропорций в развитии разноуровневых территорий;
- 2) уточнение содержания деформации социо-эколого-экономического пространства и ее факторов;
- 3) учет существующих диспропорций в социо-эколого-экономическом развитии территорий при формировании возможных деформаций пространства.

В данном исследовании использованы методы эмпирического и статистического анализа, моделирования и обобщения научной литературы.

Результаты и обсуждение. Как мы считаем, наш анализ целесообразно начать с раскрытия содержания таких категорий, как «территориальные системы» и «социо-эколого-экономическое пространство». Территориальные системы — это базовое понятие, представляющее определенное множество материальных элементов в системе геодезических координат, для которых характерно различное сочетание измерений и оценок для выделения конкретных географических струк-

тур. Речь идет, например, о сочетании жилых и нежилых зон, промплощадок, зон социально-инфраструктурного и ресурсно-экологического влияния, а также рыночных зон (поставки ресурсов и сбыт) и т. д. В данном случае определяющими являются географические характеристики.

Когда речь идет о «социо-эколого-экономическом пространстве», мы прежде всего говорим об их полезности для населения, его сообществ и других участников экономического оборота, то есть об общественных благах особого рода, привязанных к определенным территориям [7, 8]. В этом случае наши характеристики касаются системы экономических отношений по поводу полезности конкретных территориальных образований и их воспроизводства.

Как отмечалось ранее, полезность территориальных образований может проявляться при выполнении ими функций как мест жительства людей или мест размещения предприятий и учреждений социальной инфраструктуры.

По отношению к людям и предприятиям соответствующим образом оснащенная территория выступает поставщиком общественных благ. Это касается инфраструктуры: дорог, жилья, школ, детских садов, больниц и других объектов.

Когда рассматривают проблемы производства общественных благ, почему-то чаще всего говорят о государственных и муниципальных финансах, при этом вопросы привлекательности того или иного территориального образования в части удовлетворения потребности населения и предприятий остаются в тени [9]. Как мы считаем, в этом случае первичной является определенным образом оснащенная территория, когда население и предприятия пользуются ее инфраструктурой. Отсюда вывод: существующие диспропорции в развитии являются фактором деформации социо-эколого-экономического пространства, который возникает как результат потребления соответствующих услуг.

На наш взгляд, главными диспропорциями в социо-эколого-экономическом развитии территорий являются диспропорции внутри данной системы, что может отрицательно отразиться в типах их развития. Например, отставание в социальном развитии отражается в воспроизводстве кадрового потенциала. В этом же направлении действует и ухудшение экологической ситуации. В свою оче-

редь, ухудшение положения дел в экономике, сужая ресурсную базу, создает трудности для решения социальных и экологических проблем.

Мы считаем, что территориальное развитие является ключевым измерением социально-экономической динамики государства, отражающим пространственное распределение населения, производительных сил, инфраструктуры и природных ресурсов. Для Российской Федерации, обладающей одной из крупнейших в мире территорий, проблема территориальных диспропорций приобретает особую значимость и носит устойчивый характер. Пространственная неоднородность страны обусловлена как объективными факторами — природно-климатическими условиями и ресурсной обеспеченностью, так и результатами исторического развития, институциональных решений и экономической политики.

В современных условиях усиливаются процессы пространственной концентрации экономической активности в крупнейших городах и агломерациях, прежде всего в Центральном федеральном округе, тогда как значительные территории Сибири, Арктической зоны и Дальнего Востока продолжают испытывать структурные ограничения в развитии. Это формирует устойчивые различия в уровне реальных доходов населения, качестве жизни, инфраструктурной обеспеченности и экологической нагрузке.

В теории пространственного и регионального развития территориальные диспропорции рассматриваются как закономерный результат неравномерного распределения ресурсов и экономической активности. Г. Мюрдаль [10] в концепции кумулятивного роста показал, что первоначальные преимущества отдельных территорий со временем усиливаются за счет притока капитала, трудовых ресурсов и инноваций, тогда как отстающие территории сталкиваются с эффектами «обратного оттока».

Теория полюсов роста Ф. Перру [11] подчеркивает, что экономическое развитие концентрируется в ограниченном числе узлов, которые формируют импульсы роста окружающего пространства. Однако в условиях слабой связанности территорий и институциональных ограничений эффекты распространения роста оказываются ограниченными, что усиливает центр-периферийную поляризацию.

Отечественные исследователи — А. Г. Гранберг [3], П. А. Минакир [4], В. Н. Лексин [12] — рассматривают территориальные диспропорции как результат взаимодействия экономических, пространственных и управленческих факторов, подчеркивая необходимость активной и дифференцированной государственной пространственной политики.

В условиях России среди многих факторов важное место занимают природно-климатические условия, которые формируют исходные различия в возможностях хозяйственного освоения территорий. В Центре, на Южном Урале и в Алтайском крае существуют наиболее благоприятные климатические условия и развитая транспортная сеть, что способствует концентрации экономической активности. В то же время большая часть регионов Севера Урала и Сибири, Дальнего Востока сталкиваются с экстремальными климатическими условиями, разреженностью расселения и высокими инфраструктурными издержками. Арктическая зона страны характеризуется жесткими природными условиями, что существенно повышает стоимость строительства, эксплуатации инфраструктуры и воспроизводства трудовых ресурсов. Эти факторы объективно создают различия в развитии отдельных территорий.

В то же время наличие значительных запасов полезных ископаемых в Сибири, на Дальнем Востоке и в Арктике формирует ресурсные преимущества данных неблагоприятных в климатическом отношении территорий. Однако ориентация на добывающие отрасли ведет к моноспециализации, создаст зависимость от внешней конъюнктуры. В долгосрочной перспективе это усиливает диспропорции между ресурсными и диверсифицированными территориями в плане устойчивости и развития.

Экономическая активность в РФ концентрируется в крупнейших городах и агломерациях — прежде всего в Московской и Петербургской агломерациях, а также в других городах-миллионниках. Эти территории аккумулируют финансовые ресурсы, управленческие функции и инновационную деятельность. В то же время значительная часть регионов Урала, Севера, Сибири, Европейской части страны и Дальнего Востока выполняет ресурсно-донорские функции, что ограничивает возможности формирования устойчивости внутренней экономической базы.

Инвестиционные потоки направляются преимущественно в территории с развитой инфраструктурой и емкими рынками труда. Центральные регионы и агломерации обладают устойчивыми преимуществами в привлечении частного капитала, тогда как периферийные территории, включая Северные и Восточные регионы, остаются зависимыми от государственных инвестиций и трансфертов.

Кроме того, существующие различия в уровне развития транспортной и энергетической инфраструктуры усиливают территориальные диспропорции. Недостаточная связанность территории Европейского севера, Сибири и Дальнего Востока

повышает логистические издержки и снижает конкурентоспособность местной экономики по сравнению с центральными регионами.

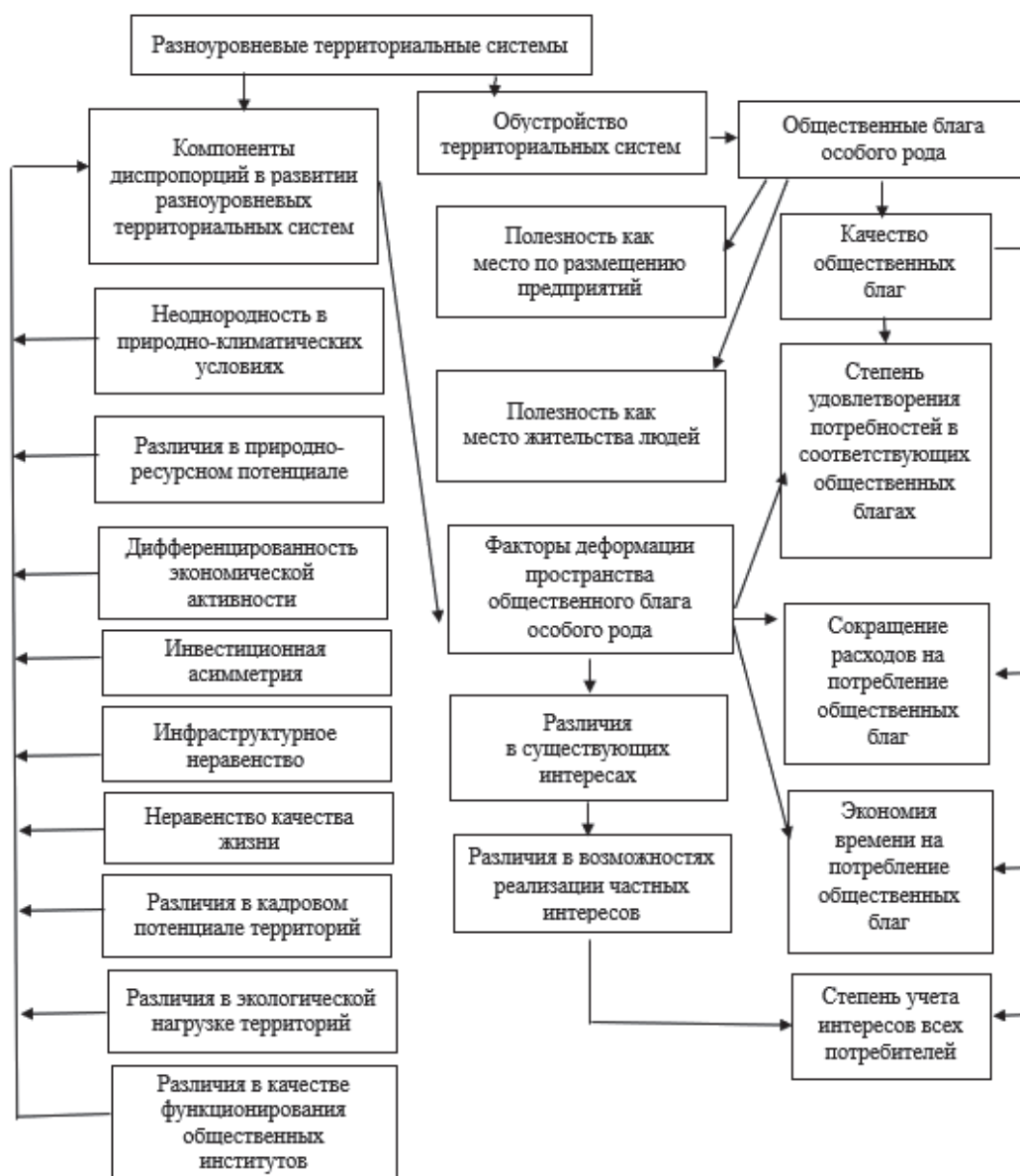
Миграционные потоки также усиливают территориальную поляризацию. Население концентрируется в Центральном федеральном округе и крупнейших агломерациях, тогда как северные и восточные территории теряют трудоспособное население. Это приводит к его старению и сокращению человеческого капитала периферийных регионов.

Следует отметить, что различия в доходах населения, доступе к социальной инфраструктуре и уровне благоустройства усиливают территориальные диспропорции. В регионах Арктики и Даль-

него Востока высокая стоимость жизни не всегда компенсируется уровнем доходов, что снижает привлекательность проживания на данных территориях.

С другой стороны, промышленные и агломерационные территории характеризуются высокой антропогенной нагрузкой, что приводит к загрязнению окружающей среды и росту социальных издержек. В ресурсных регионах Сибири и Арктики экологические проблемы связаны с добычей полезных ископаемых и накопленным ущербом. Сегодня экологические ограничения становятся все более значимым фактором территориального развития. Недостаточное внимание к экологической модернизации усиливает разрыв между экономическим ростом и качеством среды проживания.

Диспропорции в развитии разноуровневых территориальных систем как фактор деформации социо-эколого-экономического пространства. Источник: составлено авторами

Обобщая все сказанное, следует отметить, что основные факторы формирования диспропорций в территориальном развитии Российской Федерации имеют комплексный и взаимосвязанный характер. Природно-географические, экономические, социально-демографические, экологические и институциональные факторы усиливают друг друга, формируя устойчивую пространственную поляризацию (рис.). Сглаживание территориальных диспропорций требует системной пространственной политики, ориентированной на развитие инфраструктуры, диверсификацию экономики периферийных территорий, повышение качества жизни населения и учет экологических ограничений. Без комплексного подхода территориальное неравенство будет усиливаться, создавая долгосрочные риски для устойчивого развития страны.

Если территориальные образования различного уровня рассматривать как носители общественной полезности разного качества или соответствующих благ, то деформация в их производстве будет означать разную полезность самих территорий для жизни населения и функционирования предприятий. В данном случае мы рассматриваем данные территории в качестве элементов социо-эколого-экономического пространства, деформацию последних — как отклонения в потоке общественных благ от оптимального их объема. Отличительным их признаком является способность замещать одну полезность другой. Так, семья может выбрать то или иное место жительства в зависимости от ее приоритетов, например, в условиях холодного климата или плохих экологических условий, но при более высоком уровне оплаты труда, что и находит свое отражение в гипотезе Ч. Тибу, или в «голосовании ногами», когда экономические агенты выбирают административно-территориальную единицу, в которой им будет обеспечена максимальная степень удовлетворения их потребностей в определенных обществен-

ных благах. В «голосовании ногами» или в миграционных потоках нужно выделить обмен между государствами или международные миграции и миграции внутри страны. В международной миграции Российской Федерации в 2000–2022 гг. наблюдался рост притока мигрантов. По странам происхождения наибольший приток мигрантов приходится на Таджикистан, Киргизию и Узбекистан. В данном случае приток полностью обусловлен дефицитом рабочей силы в России и относительно высоким уровнем заработной платы в ней. Что касается внутренней миграции, то, кроме различий в оплате труда, важную роль играют различия в природных условиях. Так, значительный отток населения наблюдается за пределы Сибири и Дальнего Востока, приток — в южные регионы страны и в столичные агломерации.

На наш взгляд, территориальная привлекательность той или иной территории для российских граждан в последние годы в значительной мере определяется комфортностью природных условий и экологическим благополучием. В будущем может повыситься значимость качества медицинских и образовательных услуг, которые могут быть представлены на той или иной территории.

Заключение. Диспропорции в социо-эколого-экономическом развитии территорий имеют системный характер и определяются действием объективно существующих факторов. Их действие, в свою очередь, формирует деформацию социо-эколого-экономического пространства. В обеспечении стабильности в развитии регионов и других территориальных образований учет данного фактора играет важную роль. Устойчивость в социо-эколого-экономическом развитии разноуровневых территориальных образований возможно обеспечить при предвидении возможных угроз и их своевременном купировании, что предполагает мониторинг соответствующих показателей с учетом пороговых значений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Анимца Е. Г., Сурнина Н. М. Экономическое пространство России: проблемы и перспективы // Экономика региона. 2006. № 3 (7). С. 34–46.
2. Бахтизин А. Р., Бухвальд Е. М., Кольчугина А. В. Выравнивание регионов России: иллюзии программы и реалии экономики // Вестник Института экономики РАН. 2016. № 1. С. 76–91.
3. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. М., 2006. 495 с.
4. Минакир П. А. Пространственное экономическое развитие теории и политика // Экономические теории в пространстве и времени / под ред. В. С. Автономова и А. Я. Рубинштейна. СПб., 2020. С. 287–324.
5. Татаркин А. И. Потенциал системно-сетевое развитие российских городов: от программно-проектных стратегий развития территорий к агломерационным объединениям // Бизнес, менеджмент и право. 2016. № 3–4 (35–36). С. 8–22.
6. Хорев Б. С. Территориальная организация общества. М., 1981.

7. Сбалансированность каркасов социо-эколого-экономического пространства на основе межтерриториального сотрудничества: монография / под общ. ред. д-ра экон. наук, проф. Р. Ф. Гатауллина. Уфа, 2023. 210 с.
8. Гатауллин Р. Ф., Чувашаева Э. Р. Деформация социо-эколого-экономического пространства и межтерриториальное сотрудничество в современных условиях // Вестник университета. 2023. № 11. С. 171–178. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-11-171-178> /
9. Бакланов П. Я. Пространственные структуры и территориальные системы в региональном развитии: Избранное. Владивосток, 2024. 464 с. <https://doi.org/10.35735/9785604968352> /
10. Myrdal G. Economic theory and underdeveloped regions. London, 1957.
11. Perroux F. Économie du XXe siècle. Paris, 1961. 598 p.
12. Лексин В. Н. Региональная политика России. Намерения и действительность // Федерализм. 2025. Т. 30. № 4 (120). С. 5–24. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2025-4-5-24> /

REFERENCES

1. Animitsa E. G., Surnina N. M. The economic space of Russia: problems and prospects. The economy of the region. 2006. No. 3 (7). Pp. 34–46.
2. Bakhtizin A. R., Bukhvald E. M., Kolchugina A. V. Leveling the regions of Russia: illusions of the program and the realities of the economy. Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2016. No. 1. Pp. 76–91.
3. Granberg A. G. Fundamentals of Regional Economics. Moscow, 2006. 495 p.
4. Minakir P. A. Spatial economic development of theory and politics. Economic Theories in Space and time: edited by V. S. Avtonomov and A. Ya. Rubinstein. Saint Petersburg, 2020. Pp. 287–324.
5. Tatarkin A. I. The potential of system-network development of Russian cities: from program-design strategies for the development of territories to agglomeration associations. Business, management and Law. 2016. No. 3–4 (35–36). Pp. 8–22.
6. Khorev B. S. Territorial organization of society. Moscow, 1981.
7. Balancing the frameworks of socio-ecological and economic space on the basis of inter-territorial cooperation: a monograph / under the general editorship of Doctor of Economics, Professor R. F. Gataullin. Ufa, 2023. 210 p.
8. Gataullin R. F., Chuvashaeva E. R. Deformation of socio-ecological and economic space and inter-territorial cooperation in modern conditions. Bulletin of the University. 2023. No. 11. Pp. 171–178. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-11-171-178> /
9. Baklanov P. Ya. Spatial structures and territorial systems in regional development: Selected works. Vladivostok, 2024. 464 p. <https://doi.org/10.35735/9785604968352> /
10. Myrdal G. Economic theory and underdeveloped regions. London, 1957.
11. Perroux F. Économie du XXe siècle. Paris, 1961. 598 p.
12. Leksin V. N. Regional policy of Russia. Intentions and reality. Federalism. 2025. Vol. 30. No. 4 (120). Pp. 5–24. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2025-4-5-24> /

Поступила в редакцию: 27.02.2026.

Принята к печати: 08.04.2026.